

ДМИТРИЙ ЖИТЕНЁВ

ШЕСТЬ ДНЕЙ НА РЕКЕ

**ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

Дмитрий Житенёв

**Шесть дней на реке.
Путешествия, приключения**

«Издательские решения»

Житенёв Д.

Шесть дней на реке. Путешествия, приключения / Д. Житенёв —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859348-2

История, рассказанная мальчиком Артёмом о том, как он вместе с папой, мамой и сёстрами Ниной и Анжелой путешествовал по реке Печоре на моторной лодке, как они плыли против течения по мелям и порогам, как ловили хариусов и жарили их на костре, каких зверей и птиц там видели и вообще обо всех приключениях, которых было немало. Мне осталось только всё это записать.

ISBN 978-5-44-859348-2

© Житенёв Д.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Начало	7
День первый	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Шесть дней на реке Путешествия, приключения

Дмитрий Житенёв

© Дмитрий Житенёв, 2019

ISBN 978-5-4485-9348-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

История, рассказанная мальчиком Артёмом о том, как он вместе с папой, мамой и сёстрами Ниной и Анжелой путешествовал по реке Печоре на моторной лодке, как они плыли против течения по мелям и порогам, как ловили хариусов и жарили их на костре, каких зверей и птиц там видели и вообще обо всех приключениях, которых было немало. Мне осталось только всё это записать.

Начало

Мы живём в заповеднике, и наши с Нинкой папа и мама там работают научными сотрудниками. Папу зовут – Дима, а маму – Тоня. Наш посёлок маленький и стоит на правом берегу Печоры, а дом, в котором мы живём, почти самый крайний с верхнего конца посёлка. Откуда Печора течёт, там и верхний конец. И до берега всего несколько шагов. Выскочишь за калитку, и вот она, Печора! Только вот в школу ходить далеко. Осенью ещё ничего, а вот зимой и весной хуже. И снег, и мороз. Школа за рекой, в леспромхозовском посёлке. Почти три километра до него.

После того, как прошёл весенний ледоход, у нас только и было разговоров, что мы летом всей семьёй поедem путешествовать в верховья Печоры на лодке.

Вот уж и лето наступило, и папа привёз из Москвы нашу с Нинкой двоюродную сестру Анжелу, и все мы купались в Печоре, потому что было очень тепло, и вода согрелась, а папа с мамой всё никак не могли договориться, когда нам выезжать в верховья. Только – верховья, верховья! А толку никакого.

Почти каждый день мы хором канючили, чтобы поскорей ехать. Папа только говорил, что вот, мол, станет теплее, потому что таких малышей, как мы, он не собирается простужать на холодной северной реке. Ну, а погода-то была как раз самая подходящая, Все взрослые говорили, что это редкость такое лето. Год из годов! Уже был июль, а мы даже уже успели загореть хорошо. Да и не такие уж мы и маленькие. Я перешёл во второй класс, Нинка в четвёртый, а Анжела в пятый. Ничего себе маленькие! Папа вон нынче брал весной меня на охоту – и ничего. Правда, я простудился тогда и проболел почти до самого окончания учебного года.

И вот, наконец, папа с мамой пришли с работы и сказали, что им дали отпуск, и через два дня мы отправляемся в верховья!

– Ура! – закричали мы и тут же стали собирать свои собственные вещи, а я побежал копать червяков для рыбалки. Там, в верховьях рыбалка не то, что у нас около посёлка. Там большие хариусы ловятся.

День первый

СБОРЫ

Разбудили нас очень рано, ещё солнце не вставало, и велели проглотить по стакану молока и куску хлеба.

– Глотайте поскорей, да будем отталкиваться, – сказал папа. – Время не ждёт. Сегодня надо пройти сотни полторы километров.

Никогда я ещё так рано не вставал. Мы поднялись, проглотили, как велели нам наши родители, по стакану молока и куску хлеба и сразу же стали таскать вещи в лодку.

Солнце только-только поднялось над лесом. С нашего берега его не было видно, а тот, где лосеферма, весь так и сиял в солнечных лучах. Видно было, как в загонах ходят лосихи и доярки. Лосих собирались доить. Их доят каждое утро и несколько раз днём. Мы уже были в этом году на лосеферме и даже помогали прогуливать маленьких лосят.

Около забора начала лаять и прыгать на цепи наша охотничья собака Айка. Кошка Муська откуда-то возникла, тоже забеспокоилась, замяучила, чтобы мы её взяли с собой. Нинка стала просить папу, чтобы он разрешил взять Муську с собой в лодку, что она её будет всё время держать на руках, гулять с ней по берегу и следить, чтобы она никуда не убежала. Даже можно было бы ей надеть на шею ошейник и привязать, как собачку, на верёвочку.

Но папа сказал, что Муська проживёт эти дни, пока нас не будет, прекрасно и одна. Что сейчас лето, а не зима, а присматривать за ней и кормить станет наша соседка тётя Аня.

Муська всё-таки прибежала к лодке, когда мы стали таскать вещи. Она мяучила, чтобы мы обратили на неё внимание, тёрлась о наши ноги и всем мешала.

Вещей у нас целая куча. Надо ведь взять для такого далёкого путешествия и одежду, и палатку, и спальные мешки, и полога от комаров, чтобы можно было спокойно спать. На Печоре столько комаров, что даже прямо в доме мы спим под пологам. А мне нравится так. Словно в маленьком домике.

Папа взял в лодку очень много бензина, потому что путь был дальний. Она была очень перегружена. Всё-таки нас пятеро, вещей куча, продукты на неделю и бензин, почти двести литров. Большой бак, две канистры и два бачка от мотора.

Наконец, мы всё погрузили в лодку и разложили вещи по своим местам. Если не запомнить, где что лежит, потом будешь на стоянках, сказал папа, искать по полчаса, что тебе нужно.

Папа всем дал обязанности по нашему кораблю, как будто мы и вправду были матросами, а папа капитаном. Он так здорово командовал, что мы бегали быстро туда-сюда, таскали вещи и укладывали их.

А обязанности были такие у каждого. Папа ведёт лодку, занимается мотором и бензином, разводит костёр, устанавливает палатку и полог. Мама готовит еду и места, чтобы спать. Нина с Анжелой отвечают за всю посуду, таскают её из лодки к костру, потом моют и укладывают на место, Я сижу в носу лодки, смотрю вперёд и предупреждаю папу о всяких речных опасностях, мелях, корягах. Мне ещё папа велел следить, чтобы наша лодка на стоянках была всегда на якоре. А то её унести может. Ещё папа строго-настрога наказал мне смотреть, чтобы топор всегда был на месте, чтобы я его не забыл на какой-нибудь стоянке. И ещё он сказал, чтобы я ему помогал на мелких перекатах проталкивать лодку шестом. Ну, это я уже немного умею. А девчонки подняли меня на смех, вроде бы я слабосильный. А я им сказал, что они сами на реке ничего не умеют делать. Я уже, когда папа не видел, плавал на нашей лодке вдоль берега и шестом толкался.

– Ага! – сказал папа. – Вот ты и проговорился. Я же не велел тебе одному сталкивать лодку. Накажу!

Но я видел, что он доволен, хотя и ворчит. Это он так мою самостоятельность развивает. Пока мы таскали вещи в лодку, на лестнице около кедра, что растёт на берегу, появился дядя Гриша, капитан с нашей заповедничкой баржи-самоходки.

– В верхá собрались, что ли? – спросил он.

– В верховья, – сказал я.

– Ну, Артём, насмотришься на Печору-то. Смотри, всю рыбу не вылови, – дядя Гриша ни о чём кроме рыбы не может думать.

Он залез в свою лодку «Казанку», отпихнулся, завёл мотор «Вихрь» и умчался вверх по реке. Только вода разбежалась в разные стороны.

КАКАЯ У НАС ЛОДКА

Наконец, мы все забрались в нашу лодку, и папа немного оттолкнул её от берега, чтобы посмотреть, правильно ли она загружена. Ну, конечно, всё было сделано, как надо, и папа сам залез в корму к мотору. Мы вместе вытолкнули её в реку шестами, и нас тихонько понесло вдоль берега.

Лодка у нас большая и длинная. Почти восемь метров, а шириной чуть больше метра. Мы с папой её специально мерили рулеткой. Она как настоящая индейская пирога. В ней трудно ходить, потому что она сильно качается, и можно из неё выпасть, если не привык. Я уже умею с ней обращаться. Ведь всё лето, от весны до осени, мы только и делаем, что плаваем на лодке. По ягоды или грибы – на лодке, на другую сторону – на лодке, на охоту – на лодке. Без лодки у нас нет никакой жизни, потому что дорог почти совсем нет, кругом тайга и болота. У каждого хозяина на Печоре есть лодка, а то и две.

У нас лодка ещё большая и устойчивая. А вот у нашего соседа Юрия Ивановича есть маленькая лодочка, так в той удержаться почти невозможно.

Наша лодка деревянная и сделана из досок как раз длиной в лодку. Она просмолена чёрной смолой. На борту у нее папа написал большими белыми буквами «ЗАПОВЕДНИК». Наша лодка самая красивая в посёлке и мчится под мотором очень быстро.

На корме подвешен мотор «Нептун-23». Он так и называется – подвесной. Заднее сиденье прямо у самого мотора и управлять лодкой надо за мотор. За специальную ручку. Она называется румпель. Папа мне уже часто даёт управлять лодкой. Вот когда интересно-то! Сидишь около мотора, а он рычит у самого уха. Словно живой зверь. Когда начинаешь крутить румпель, чтобы прибавить ходу, мотор начинает реветь сильнее и сильнее, а тебя прижимает к нему.

Сначала я не мог управлять мотором и лодкой одной рукой, потому что румпель очень тугой, Я всё делал двумя руками. Теперь я подрос и управляюсь одной рукой, левой.

Раньше, когда папа учил меня водить лодку, он сажал меня между коленями и всё время придерживал румпель, чтобы я резким поворотом не перевернул лодку. Теперь папа уходит в нос, и я сам могу сидеть у мотора и рулить по реке. Правда, я ещё не очень хорошо знаю, где мели, а где глубокое место. А папа мне показывает рукой, куда надо ехать. Я теперь все опасные места стал запоминать. Мне пока не разрешается ещё давать полный газ, потому что это опасно. Лодка набирает такую скорость, что её сразу не остановишь, если какая опасность впереди.

Однажды мы с папой подъезжали к берегу, и я сидел за мотором. Я хотел повернуть ручку румпеля на самый малый газ, а дал самый большой. И мы со всего хода вылетели на берег. Папа вскочил на ноги, когда увидел, что лодка набирает ход. Он замахал мне руками, но его выбросило на берег. Я упал вперёд на дно и поцарапал плечо. А папа успел потом прыгнуть обратно в лодку и заглушил мотор. Он взревел со страшной силой, когда мы вылетели на берег. Ну, мне потом и попало! Хорошо ещё, что берег в том месте был песчаный и пологий. Папа

сказал, что если бы берег был крутой, то лодка бы прямо развалилась. Конечно! Такая силища у мотора!

После этого папа мне целую неделю не давал править. Ну, а теперь можно. Главное, если какая опасность впереди, надо просто нажать на специальную кнопку, мотор заглухнет, и лодка остановится.

Только вот заводить мотор я не могу. Силёнок не хватает. Папа сам с такой силой дёргает за шнур заводной, что видно, как мотор сопротивляется.

МЫ ОТПЛЫВАЕМ

Вдоль всего нашего берега стоят лодки. Упёрлись носами в берег. Лодки такие же длинные и чёрные, как наша. На корме у каждой лодки мотор с белым колпаком. Многие моторы наклонены в лодку. Это для того, чтобы не мокла подводная часть с винтом и не портилась. Чтобы вода туда не набиралась. Как-то мне папа сказал, что эти моторы, похоже, как будто лезут в лодки и не могут никак залезть. И, правда, похоже.

Мы тихонько проплыли по мелкому месту мимо кедра и лестницы. Муська прыгала за нами по берегу и мяукала.

Наша лодка поравнялась с заповедничкой баржей. Она была вытащена носом на берег. Река уже стала совсем мелкой, а барже надо глубокую воду, чтобы ходить по реке. Под самой баржей, у её кормы есть глубокая яма. В ней живут окуни. Мы каждый день ловим их с этой баржи, а стая всё не уменьшается. Там даже есть один здоровенный окунь, но никак не даётся нам и не берёт ни на какие приманки. Даже на окуниный глаз не берёт. Мы пробовали.

Наконец, лодку вынесло на глубокое место, и папа откинул мотор в воду. Потом он подкачал в карбюратор бензина и дёрнул заводной шнур. Мотор сразу зарычал, заревел. С того берега отозвалось эхо. Тут папа сбросил газ и стал ждать, пока мотор прогреется. Без этого нельзя сразу ехать, потому что можно испортить мотор. Папа сидел, облокотясь на крышку мотора, а тот урчал, булькал. Над водой над самой, как синий туман, потянулись выхлопные газы. Потом папа включил скорость, в моторе стукнули шестерёнки, и мы поехали в верховья Печоры!

И тут меня словно кипятком обожгло. Червяков забыли! Как же мы будем рыбачить?! Я вскочил и крикнул папе, что забыли червяков. Он стал сердиться и сказал, что это не мы забыли, а я забыл, что вот, мол, пути нам не будет, если вернёмся. А мама сказала, что всё это суеверия, и не надо к ним детей приучать. Папа снова причалил лодку к берегу и грозно сказал, чтобы я одним духом смотался за червяками. Мама стала спрашивать: «А дэту не забыли? Не забыли дэту?» Это такая мазь от комаров. Без неё в лес лучше не ходить. Комары сразу загрызут

Червяки у меня были приготовлены в консервной банке и стояли за бочкой с водой около крыльца. Сколько я труда положил, чтобы их накопать! Понятно, почему папа сердится. Может, он ещё подумал, что я и топор вот так же где-нибудь забуду. Ну, уж топор-то я ни за что не забуду. Как в походе без топора!

Я быстро поднялся по лесенке к дому, и Муська помчалась за мной вприпрыжку. Наверное, решила, что я остаюсь дома, и очень обрадовалась, Айка тоже обрадовалась, как только увидела меня, запрыгала на цепи, залаяла. Но я подхватил банку с червями, погладил Муську, почесал Айке горлышко и между глазами, чтобы она не забывала меня, пока мы ездим по Печоре, и побежал к лодке.

Мы снова отчалили, и папа повёл лодку прямо сразу вдоль берега по мелкому месту, чтобы не терять времени.

Муська помчалась вслед за нами. Она мяукала и просилась к нам в лодку. И девчонки и мама смотрели на Муську. Она сразу отстала, потому что папа прибавил ход. Она всё под-

прыгивала, перескакивала через камушки и коряжки, и нам уже не было слышно, как она мяучит. Такая серенькая, маленькая. В последний раз я её увидел, когда она забралась на какой-то пенёк и села на нём, Видно, поняла, что мы её не возьмем с собой, да так и осталась сидеть на этом пенёчке. Мне стало её так жалко, что даже стало трудно дышать. И девчонки тоже, видно, сильно жалели Муську. Только старались этого не показать.

Зачем мы оставили Мусеньку? Я бы за ней смотрел, водил бы на верёвочке её и не давал бы ей уходить далеко от лодки.

Мне казалось потом, что Муська всё это время так и сидит на пенёчке, жалобно мяучит и ждёт, когда мы приедем.

А папа смотрел вперёд, и я стал тоже смотреть вперёд.

ВПЕРЕД ПО РЕКЕ

Папа вёл лодку около самого берега в тени. Было прохладно. А когда лучи солнца прорывались сквозь густые ветки деревьев, сразу становилось теплее лицу, и глаза слепли.

За первым поворотом река открылась во всю ширь. Солнце стояло ещё низко, и дно было видно хорошо. Такая была чистая вода. Казалось, что мы держимся не на воде, а летим по воздуху. А вот впереди, прямо против солнечных лучей река не казалась такой прозрачной. Она была словно в пыли. Сначала я не мог понять, почему река кажется такой мусорной. И тут я увидел, что над ней, над самой-самой водой роятся какие-то насекомые. Солнце светило на них, они блестели маленькими крылышками, и река была словно в пыли.

Сколько же там было этих насекомых! Папа сказал мне потом, что это летают подёнки и веснянки. Они живут на свете всего два-три дня. Некоторые даже один день или несколько часов. Вылупятся, полетают, отложат яички и гибнут.

Река сверкала так, что больно было смотреть. Далеко, посерединке плыла лодка. Она словно отделилась от реки и замерла на одном месте, В этой лодке стоял дядя Гриша с каким-то шестом в руках.

– Что это он там делает? – спросила Анжела. Папа сказал, что ловит рыбу, и добавил: «Вот уж скопа, так уж скопа и есть».

У нас в посёлке дядю Гришу прозвали скопой за то, что он лучше всех умеет ловить рыбу. Скопа – это такая большая хищная птица. Почти орёл. Она питается только рыбой. Она кидается на рыбу прямо сверху и выхватывает её из воды. Я, правда, никогда не видел, как скопа ловит рыбу. Мне папа рассказывал.

А тем временем дядигришина лодка плыла уже недалеко от нас. Папа замедлил ход, Я увидел, что дядя Гриша стоит на носу лодки и держит в руках шест. Он опустил его в воду и внимательно смотрел вниз. Вдруг он ткнул шестом, сильно-сильно, и сразу же вытащил его. А на нём была большая рыба! И брызги так и полетели в разные стороны! Он её острогой! Он на мелком месте увидел налима и заколол его.

Девчонки и мама заворочались на своих местах, чтобы лучше видеть. Налим извивался, крутился на остроге, сверкал на солнце. Ай да дядя Гриша! Вот мне бы так!

Папа прибавил газу, и мы проехали мимо. Дядя Гриша даже не посмотрел на нас, всё возился с налимом. А налим был большой. Даже больше того, какого папа принёс недавно утром. Он тоже умеет поднимать налимов. На Печоре говорят не ловить, не колоть налимов, а поднимать.

А лодка всё мчится дальше и дальше. Река поворачивает то в одну сторону, то в другую. Солнце то слепит мне глаза, то греет поочередно щёки лоб и затылок.

Я смотрел, смотрел на берега и заснул...

КАК МЫ СПАСЛИ ПТЕНЧИКА

А проснулся я оттого, что мотор замолчал. Лодка стояла у берега.

– Вот так засони мы! – засмеялась мама. Оказывается все мы позасыпали. Только папа не спал. Он так и сидел всё это время за мотором и правил по реке.

– Ну вот, – сказал папа, – здесь и будем завтракать. Быстро за дровами.

Анжела с Нинкой сразу же притащили какую-то мокрую корягу. Папа сказал, что лучше пусть они занимаются своими обязанностями, готовят посуду. Ещё натаскают таких дров, что до обеда костра не соорудишь. Он сам свалил топором сухую ольху и притащил её на берег. Мне он сказал, чтобы я принёс разжиги. Я, конечно, знал, что требуется. Нашел сваленную берёзу и надрал с неё сухой берёсты. Костёр у нас сразу загорелся.

Пока грелся чайник, и мама готовила еду, я стал смотреть по сторонам. На утренней реке очень красиво. Уж в который раз я так сижу и жду, пока закипит чайник. Мы ведь с папой и мамой сколько раз уже ездили по реке. И на охоту, и по грибы, и по ягоды. Всегда папа сооружает костерок, и мы все обязательно пьём чай и едим около костерка. А чай на костре так вкусно пахнет! Не то, что дома!

Тут папа побежал к костру, потому что чайник вскипел и стал заливать огонь. Крышка начала подпрыгивать и звенеть.

Утро было такое чудесное! Первое утро нашего путешествия! Река сверкала. Небольшой ветерок дул. Он отогнал всех комаров. Деревья словно грелись на солнышке. И мама сидела на складном стульчике и тоже грелась на солнышке. Она, наверное, замёрзла, когда заснула в лодке. А папа возился около костра, что-то там ворошил, подкладывал сучки. Он любит возиться с костром и старается разжечь его с первой спички. У него всегда это получается. Он и меня учит, как надо всё в тайге делать, если что-нибудь случится.

Только мы сели пить чай, налетели слепни. Откуда только они взялись! Сразу столько много. А папа сказал, что тут где-нибудь неподалёку стоит лось, и слепни от него на нас перелетели.

Анжела спросила: «Это домашний лось?» И стала смотреть в лес. Она, наверное, забоялась, что если лось дикий, так он на нас набросится. А папа сказал, что, во-первых, здесь домашние лоси не ходят, потому что мы уже далеко заехали, а, во-вторых, дикие лоси на людей так вот просто не бросаются. Медведи и те не бросаются. А Анжела сказала, что она слышала, как взрослые в Москве говорили, что лоси приходят прямо в Москву и даже кидаются на людей. Папа сказал, что такое быть может, потому что в Москве тайги нет, и там лоси совсем не боятся людей. И потом там много машин и народа, и может, какого-нибудь лося загнали так, что ему некуда было деваться. Вот он и бросился убежать или защищался. Папа много знает про зверей.

Потом мы поели, собрались и покатали дальше.

Только мы отъехали от нашего места, я увидел, что слева через реку полетели какие-то маленькие птички. Четыре. Это были птенчики, слётки. Наверно, первый раз они полетели через реку. А река тут была широкая. Папа направил лодку наперерез им, а они уже пролетели половину реки, до середины. И стали снижаться. А один даже стал отставать. Он, наверное, был самый слабый.

Я замахал папе, чтобы он прибавил скорость. Может, мы их ещё спасём, если они упадут в реку. Это ведь не утята, плавать не умеют.

Три птенца перелетели реку и уцепились за кусты, за веточки, а тот, который самый слабый, упал в воду. Совсем ослабел. Он упал перед самой лодкой, Я сразу перевесился за борт и подхватил этого бедняжку. Мы успели!

Птенец сидел у меня в ладонях и не шевелился. Только я чувствовал, как очень быстро колотится у него сердечко. Прямо трепещет. Он был весь мокрый. Мы пристали к берегу

и посадили его к тем трём. Они даже не улетели, так устали. Только посматривали на нас и не шевелились.

Папа сказал, что это птенцы зяблика. Они были очень смешные. У них на головках, над глазами торчали пучки пуха, словно рожки. Они сидели на ветках и не шевелились. Наверно, сами не могли поверить, что перелетели через реку. Хорошо, что мы спасли маленького. Интересно, почему это они полетели? Может, кто их спугнул? Даже папа не сказал бы, зачем это они сделали.

ЧТО БЫЛО НА БЕРЕГАХ

А потом ничего интересного по берегам не было, пока мы плыли по реке. Только лес и лес по сторонам. Много деревьев наклонилось к реке. Это весной их вода подмыла, и они наклонились. Мы несколько раз проезжали под такими наклоненными елками. Мама всё папе говорила: «Зачем ты рискуешь? Зачем ты рискуешь?» Это она боялась, что ёлка может на нас упасть. А я ничего с папой не боюсь.

Потом мы проехали несколько деревень, и папа всё время говорил нам их названия. Волосница, Речной, Курья. В Речном берег был высокий. Даже выше, чем у нас в посёлке. Река его так сильно подмыла, что подобралась к самым домам. Даже один дом выдался углом над рекой. И видно было, что там люди не живут, потому что его уже стали разбирать по брёвнышкам. Чтобы перенести на другое место. Строили, строили дом, жили в нём, а река всё равно победила. И ещё другие дома смочет, которые рядом.

После Курьи Печора стала ещё шире. По берегам во многих местах было много песка. Ну, прямо настоящие пляжи. Я такие в кино видел. И ещё по телевизору, когда в прошлом году у бабушки в Москве жил. У нас на Печоре телевизоров нет, потому что далеко.

Анжела спросила меня, что это за пляжи по берегам. А я не понял, о чём она меня спрашивает, и сказал, чтобы она у папы спросила. Я ведь в этих местах ещё ни разу не был. Тогда она спросила у папы: «А кто эти пляжи сделал? Почему здесь никто не купается?» Папа тоже сначала не понял, о чём его Анжела спрашивает, а потом начал так хохотать, что чуть из лодки не выпал. И мы все тоже стали смеяться, потому что Анжела решила, что эти пляжи люди сделали, чтобы загорать. Вот так Анжела! Вот так москвичка! Да никто эти пляжи не делал. Это река нанесла песок во время половодья весной. Так он и остался лежать. А я ещё подумал, что вот какие у нас на Печоре пляжи большие. И никого нет, никакого народа. Только зайцы бегают. Я однажды видел на таком песке зайца. И вода у нас чистая. И нет никого. Только мы.

Потом мы пересекли пережат, и за поворотом показалась деревня Пачгино. На высоком берегу – дома, а вдоль берега приткнулись лодки с моторами.

На берегу стояло стадо коров, и огромный бык ходил по берегу и рыл копытами землю. Папа выключил мотор, и лодка замедлила ход прямо против деревни. Бык рыл землю копытами и ревел страшным рёвом. И будто все попрятались в деревне от этого страшного быка, потому что на берегу почти ни одного человека не было видно.

Но вот в верхнем конце деревни показались кони. Целый табун. Лошадей, наверное, пятнадцать. Они быстро бежали от домов к воде, а позади этого табуна ехали верхом на лошадях двое мальчишек. Как они здорово держались на лошадиных спинах! Я стал смотреть на них во все глаза. Я ведь ещё ни разу не видел, как по-настоящему ездят верхом. Вот мне бы так! И я сразу стал себе представлять, что и я вот так, как и эти мальчишки, мог бы тоже сесть верхом на коня и помчаться за табуном! И грива лошадиная развевалась бы по ветру от быстрого бега моего быстрого коня и все, и мама, и папа, и особенно девчонки, смотрели бы на меня и любовались бы мной. А я просто так бы оглянулся на них пару раз и помчался бы дальше. И хорошо было бы, если бы у меня было седло, и можно было приподняться в стре-

менах, и свистнуть, и закричать что-нибудь громким голосом, а конь бы вздрогнул и помчался ещё быстрее. Только бы пыль из-под копыт...

Мальчишки загнали лошадей в воду и стали их поить. А я всё смотрел на них и вдруг увидел, что бык, поматывая головой, идёт прямо на этих лошадей и этих мальчишек, и мне стало страшно за них.

Но мальчишки закричали на лошадей, стали выгонять табун из воды и умчались.

А в деревне Пачгино, оказывается, две деревни. Нижнее Пачгино и Верхнее Пачгино! Мы на моторе проехали километра полтора, а, может, и больше, и снова выехали к деревне, а это было Верхнее Пачгино. Там берег был высокий, обрывом, и в этом обрыве было много норок. Их нарыли ласточки-береговушки.

КАК СЕНО ГОТОВЯТ

Потом начались по берегам луга. На них ставили сено. Лодки стали попадаться на реке. В лодках сидел народ. Женщины и девочки были повязаны белыми платочками. И даже у мужчин тоже были белые платочки на головах. Из лодок торчали косы, грабли и вилы. Вилы были не железные, а деревянные. С двумя или тремя рогами. У нас в посёлке тоже такими пользуются. Такие вилы специально ищут в лесу. Найдут подходящую берёзку, срубят, высушат, остругают концы, очистят от коры, сделают всё гладкое – вот тебе и вилы готовы. И не надо ничего покупать. А если такая берёзка ещё не доросла, то ждут, пока подрастёт.

На берегах, где были луга, стояли палатки и полога под тентами, а вдоль берега – лодки. Деревянные и алюминиевые, с моторами. Возле палаток костры. Дым от них тянулся над рекой. Запах дыма такой приятный, сладковатый. И всё время пахло скошенной травой. Мы въезжали в такой запах, прямо как в дым. Только в невидимый дым.

Я лежал в носу лодки и напевал разные песни. Мне даже казалось, что мотор гудит и подпевает мне. Особенно, если не словами поёшь, а просто так – м-м-м-м... И так мне было хорошо, что хотелось вскочить во весь рост и закричать на всю реку, чтобы все услышали, как мне хорошо и прекрасно.

А солнце уже стало уходить на запад, а на берегах везде косили траву и убирали сено.

Кони тащили сенокосилки, мотали головами и отмахивались от слепней своими хвостами. Сенокосилки трещали. На железном сиденье у каждой тряся какой-нибудь дядька. И голова у него была обвязана белым платком от солнца и комаров.

На других местах уже убирали сухое сено в длинные валы, а потом возили в стога. Сено собирали конными граблями, а не ручными. Это такая штука широкая на двух огромных железных колёсах. Прямо выше меня. Между ними в ряд длинные кривые железки из толстой проволоки. Они могут откидываться, когда в них нагребётся сено. Сверху железное сиденье. На нём сидит человек и правит лошадь. Она тащит эти грабли и собирает сено. Потом этот дядька – раз! – нажимает такую специальную педаль, и кривые железки откидываются вверх, и всё сено остается на месте.

И до самого вечера мы смотрели, как на берегах собирают сено. Вечером в нескольких местах даже сено уже укладывали в стога. Стога на Печоре делают длинные и плоские, потому что сено часто укладывают в сырую погоду. Ещё не совсем подсохшее. А в таких стогах сено продувает ветром, и оно не гниёт. Сено кладут между высоких шестов. Они воткнуты в землю и называются стожары.

КАК БЕЛКА ПЛАВАЕТ

Когда мы отъехали от того места, где сгребали сено, и проехали на широкое место реки, я увидел вот что. На самой середине реки что-то плыло через реку, и там что-то торчало.

– Смотрите, смотрите! – закричал я и стал показывать на это. Все стали шевелиться в лодке, а папа встал даже во весь рост. Он смотрел в бинокль, чтобы лучше было видно.

– Это какой-то маленький зверёк, – сказал он. – Да это же белка! Вон как лапками молотит.

И вот мы подъехали к самой белке. Она и правда очень быстро гребла лапками. Они только мелькали в воде, и брызги летели во все стороны. Хвост торчал над водой, прямо как парус. Белка была рыженькая. Глазища у неё большие и чёрные. Папа стал её фотографировать. Она старалась от нас уйти и повернула к тому берегу, с какого плыла. Тогда папа замедлил ход, и белка повернула по старому пути. Ей ещё оставалось немного до берега, и я увидел, что ей уже тяжело плыть. И хвостик стал опускаться в воду. Трудно ей было держать хвост торчком, да ещё и грести через реку.

Папа снова подъехал к белке и загородил ей дорогу, чтобы мы смогли её хорошенько рассмотреть. До берега было уже совсем близко. Я стал показывать папе, чтобы он ещё поближе к ней подъехал. Я хотел её рассмотреть получше. До неё уже можно было веслом достать. Вдруг она повернула прямо к лодке, подплыла и тут же забралась к нам.

Что тут началось!

Девчонки сразу завизжали. Мама замахала руками, потому что белка заскочила ей на спину. Потом белка стала метаться по всем вещам и никак не хотела прыгать в воду. Она очутилась у меня под ногами, и я хотел её поймать. А она только скользнула мокренькая по моим ладоням, проскочила между ногами и сзади взлетела мне на голову. Все заорали, когда увидели белку у меня на голове! Она царапнула мне лоб коготками и прыгнула, вертя хвостом, прямо маме на плечо. Мама опять закричала, что все мы перетонем с этой несчастной белкой. Но тут уж она соскочила с мамы и уселась посреди лодки на вещах.

Папа хохотал, мама кричала, и все мы орал, сами не зная что.

Бедная белка сидела на вещах и часто-часто дышала. Она прижала левую лапку к груди, будто у неё было плохо с сердцем. Вся она была мокренькая, какая-то несчастная и облезлая. Я сразу вспомнил, что я, наверное, весной был такой же, когда сорвался с берега в воду и весь вымок. Тогда все ребята тоже хохотали до упаду, а мне совсем было не до смеха. Поэтому я не хотел, чтобы белку пугали, и крикнул: «Не трогайте её! Не обижайте!» А папа засмеялся и сказал, что её не просто обидеть. Маленькая-то она маленькая, а попробуй поймать и в руки взять, так она всего тебя искушает. И папа направил лодку к берегу. Он причалил, и белка прыгнула тут же в траву. Она прошуршала и умчалась в кусты. Вот так белка!

Мы стали папу спрашивать, почему это она поплыла через реку.

И папа рассказал нам, что это молодые белки плывут через реки, идут по тайге на новые места. Они ищут, где других белок поменьше, и им будет лучше жить. Больше будет и места и корма. Он сказал, что это называется миграция, а когда белки идут на новые места, то это они мигрируют. Так учёные говорят. И ещё папа рассказал, что когда он жил на Алтае давно, то он видел вот такую белку, которая мигрирует, высоко в горах. На вершине. Там, где уже и леса нет, одни камни.

У нас в заповеднике есть один такой учёный, дядя Серёжа, Он как раз изучает, как живут белки в лесу и куда они мигрируют. Он ловит их летом в специальные ловушки. Они стоят в лесу и сделаны как корыто перевёрнутое. Только из дерева. И там внутри приманка, гриб или кедровые орешки. Белка хочет их взять, а ловушка захлопывается. Там приспособлены специальные палочки. Они называются насторожка и ещё как-то. Я забыл. А потом этих попавшихся белок дядя Серёжа вынимает из ловушки в мешок и на ухо приделывает такую пластиночку из алюминия с номером, маленькую. На ней ещё мелкими буквами написано – «Москва. Сообща бюро кольцо.»

Потом он этих белок выпускает. И вот уже осенью, когда охота начинается, охотник добудет такую белку и сразу увидит у неё на ухе эту метку и прочтает, что там написано. Пошлёт

он её в Москву и напишет, где добыл эту белку. Или в заповедник. Тогда учёные узнают, куда ушла белка и сколько она прошла по тайге.

А ещё у нас в заповеднике, в нашем посёлке, построили большие клетки. В них дядя Серёжа и тетя Эля посадили белок. Они их наловили в лесу. У этих белок появились маленькие бельчата. Когда они вырастут, им тоже нацепят метки на ухо и выпустят в лес как диких. Только тетя Эля не разрешает часто смотреть белок в клетках. Они от этого пугаются и даже могут разбиться об железную сетку.

Девчонки еще много спрашивали папу про белок. Особенно Анжела. Она ведь совсем ничего не знает про тайгу и зверей. А я их не слушал.

ПОДАРОК СКОПЫ

Мы ехали всё дальше и дальше. Волна от нашей лодки катилась по песку, когда лодка проходила рядом с берегом. Маленькие кулички-перевозчики вспархивали с песка, как только набегала на них эта волна. Кулички летели над самой водой впереди нас и пищали тоненько: «Тири-ти-ти! Тири-ти-ти! Тири-ти-ти!». Их называют потому перевозчиками, что они летают с одного берега на другой и будто говорят: «Перевезу! Перевезу! Перевезу!» И верно, похоже. Иногда они летели прямо рядом с лодкой, около меня. Я даже видел очень хорошо их маленькие глазки, чёрненькие и блестящие. Они улетали вперёд и там садились на песок около самой воды. Они поднимали крылья, будто потягивались после сна, и останавливались, и качали своими хвостиками. Хвостики у них коротенькие-коротенькие. Когда мы подъезжали к куличкам, они опять срывались и летели вперёд. Потом они долетали до своей границы и поворачивали обратно. А там, впереди нас встречали новые кулички. И были ещё крупные кулики. Они называются большие улиты.

Хорошо мне было сидеть впереди, в носу лодки. Смотришь вперёд, а за каждым поворотом открываются новые и новые печорские излучины. Если смотреть в воду, то видно совсем рядом жёлтое дно. Иногда я замечал, как уходили в сторону от лодки большие и маленькие хариусы. Водоросли шевелились словно волосы. Я увидел даже налима, когда папа замедлил ход на перекате. Налим не убежал от лодки. Он стоял на месте, головой против течения и чуть-чуть шевелился. Я замахал папе рукой, и он остановил лодку. Мы все стали смотреть, как налим лежал на мелком месте. Мне даже захотелось выпрыгнуть из лодки и схватить его. А папа сказал, что это бесполезное занятие. Разве можно поймать рыбу в воде руками. Налим, хоть и еле шевелится в воде и на вид ленивый, но плавает не хуже других рыб. Даже может ловить мальков.

За одним поворотом мы вдруг увидели на гальке у самой воды огромную птицу. Снизу белую, а сверху чёрную. Она взмахивала крыльями и что-то долбила на камнях. Какую-то добычу.

– Это скопа! – крикнул папа и встал во весь рост, чтобы лучше видеть.

Мы тоже повытягивали шеи и во все глаза смотрели на скопу. И тут я увидел, что она клюёт какую-то здоровенную рыбу. Рыба изгибалась и била хвостом по гальке и песку. Даже камни летели в стороны.

– Это она налима поймала! – крикнула мама и стала папу торопить, чтобы он поддал газу, а то скопа утащит рыбу.

А та всё долбала и долбала налима по голове, но никак, видно не могла его добить. Почему она сразу не уволокла его, я так и не понял. Налим, правда, был большой, но ведь из реки-то она его вытащила и смогла донести до берега.

Когда до скопы оставалось совсем недалеко, она развернула, прямо распахнула огромные свои крылья, снизу белые, и взлетела. Она несколько раз прыгнула по берегу, будто разгоня-

лась, как самолёт, а потом взлетела. Налим запрыгал к воде. Я закричал папе, чтобы он скорее газовал к берегу. Я приготовился выпрыгнуть из лодки и схватить налима.

Лодка с разгона загремела по камням, я выскочил на берег и животом навалился на налима. Прямо у самой воды! Он выкручивался из-под меня, но я лежал на нём и кричал, чтобы они меня вырвали и тоже хватали налима. Тут подбежал папа, схватил его под жабры и швырнул в сторону, подальше от воды, к кустам.

Все повыскакивали из лодки и помчались к налиму. Он лежал на песке, большой, длинный. Рот у него был огромный, во всю голову, с белыми губами. Он медленно его раскрывал и шлёпал по песку хвостом.

– Вот так скопа! – сказал папа. – Прямо подарочек нам она сделала. Будет у нас сегодня вечером первая уха. Да какая уха! Из налима!

НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

А Печора становилась все уже и уже. Появились перекаты с сильным течением и волнами. Они били в лодку, и брызги летели мне в лицо.

Потом мы проехали место, где в Печору впадает река Унья. Только непонятно, почему Унья впадает в Печору, а не наоборот. Печора ведь меньше и мельче.

Там ещё есть деревня Усть-Унья. Она стоит на крутом высоком берегу, прямо на горе. К воде обрыв, и видно камни, как скалы. Когда мы подъехали к этой деревне, как раз садилось солнце, и вся она была освещена красным светом. И было очень красиво.

После этой деревни совсем стало мелко. Лес рос прямо по берегам. Везде ёлки наклонились к воде, и один раз мы проехали прямо под ними. До веток можно было рукой достать. Я хотел, а мама сказала, чтобы я не крутился в лодке.

Когда уже стало темнеть, мы причалили к острову. Этот остров мы потом назвали Необитаемым островом. С двух сторон его обтекала Печора. Одна протока, глубокая и узкая – слева, а другая, широкая и мелкая – справа. Вот мы и остановились со стороны широкой протоки.

Первым делом я вытащил якорь и закопал его в песок поглубже. Берег был невысокий и немного пологий. Кругом никаких кустов, а сам остров ровный как доска.

Хоть и было уже поздно, но заря светилась за верхним концом острова. Там, где начинались эти две протоки. В том месте сильно шумела вода, потому что там были перекаты.

Мы стали быстренько выгружать из лодки наши вещи и таскать их на берег. Папа сказал, чтобы мы не раскидывали вещи по всему острову, а то потом искать их будет одно мучение. Ну, конечно, мы тут же стали валить всё в одну кучу. Папа стал возмущаться и сказал, что это мы нарочно так делаем, что потом надо будет перерывать всю эту кучу, чтобы найти нужное. Тогда мы стали раскладывать вещи по сортам. Посуду в одну кучку, спальные принадлежности в другую, а еду в третью.

Из верховьев Печоры дул легкий, прохладный ветерок. Пахло цветами, тайгой и рекой. Мне так захотелось остаться жить на этом острове! Я сказал папе, как хорошо было бы здесь построить дом и поселиться всем на всю жизнь. Но папа сказал, что это сейчас, летом, вода в Печоре малая, а весной тут над островом метра три-четыре глубины и течение страшное.

Потом мы с папой пошли за дровами на верхний конец острова. Там, где начинались эти наши две протоки, было навалено много сухих деревьев. Их нанесла река весной в половодье, мне папа сказал. Весной так много в реке воды, что она выворачивает деревья с берегов и несёт их. А в тех местах, где узко или мелко, они цепляются за дно, а потом друг за друга, и получается куча, завал. Она, такая куча, на Печоре называется хблуй. Там было много сушняка, и мы притащили полно дров для нашего костра. Будто собирались всю ночь не спать, а сидеть около него.

На другой стороне острова росли большие ивы. Мы туда пошли за палками для палатки. В полумраке кусты эти казались очень высокими. От ветерка они шевелились как живые. Листья с обратной стороны были светлее, как будто серебристые. Листья шевелились, и они казались живыми, эти кусты.

Папа срубил три большие ветки, и я начал обламывать с них мелкие сучки, чтобы легче было тащить. А папа сказал, чтобы я ничего не ломал, а тащил все это к месту. Если бросить мелкие веточки с листьями в костёр, то будет много дыма, и он отпугнёт комаров.

А комаров, тут я увидел, около кустов было ужас сколько! Как только мы влезли в кусты, и папа стал рубить палки, целая тучища комарья навалилась на нас и стала грызть со страшной силой. Мы целый день не знали, что такое комары, потому что на лодке ветерком обдувает. Мы совсем забыли про комаров, и я даже забыл намазаться дэтой.

Я подхватил уже нарубленные ветки и помчался к нашему лагерю. Когда я прибежал к берегу, где сидели мама и девчонки, то все комары, которые мчались за мной, стали их тут же грызть. Даже ветерок не отгонял. А мама сразу зашумела и сказала, что это я нарочно сделал, чтобы комары грызли их тоже. И все стали скорее мазаться дэтой. Без этой мазилки на Печоре летом пропадёшь от комаров.

Тут пришёл папа, разжёл костёр и стал ставить палатку, а в палатке натянул полог от комаров. Потом он выпотрошил налима, нарезал его на куски и сказал маме, чтобы она его готовила, потому что надо уже ужинать и спать ложиться. Мама сложила все куски налима в большой котелок и стала варить уху. Вот она сварилась и мы стали черпать её ложками прямо из котелка, а потом пили чай из кружек, сидели у костра и слушали ночную тайгу. Река шумела на перекатах. Комары зундели тучами над нами, и дым костра их совсем не отгонял. За деревьями в лесу на другой стороне протоки, наверное, прятались разные звери и смотрели на нас через реку. Они смотрели на нас, какие мы красные от костра. Было ещё совсем светло, потому что это была белая ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.